

Владимир Кунин

Мика и Альфред

ФТМ

Владимир Кунин
Мика и Альфред

«ФТМ»

2000

Кунин В. В.

Мика и Альфред / В. В. Кунин — «ФТМ», 2000

ISBN 978-5-44-673481-8

Роман известного русского писателя Владимира Кунина «Мика и Альфред», автора романов «Интердевочка», военных повестей «Хроники пикирующего бомбардировщика» и «Сошедшие с небес». Это изящная, забавно-печальная фантасмагорическая история о жизни и судьбе одинокого художника и киллера Мики, для которого единственным на свете существом, способным не только понять и простить, но и вырвать из кошмарной бездны воспоминаний, становится друг и хранитель – домовый Альфред...

ISBN 978-5-44-673481-8

© Кунин В. В., 2000

© ФТМ, 2000

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Кунин

Мика и Альфред

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

Часть первая

Мика

Наверное, за все грехи, совершаемые Людьми на своей Земле, в то лето Бог проклял мир и обрушил на него чудовищную, нестерпимую, губительную жару...

Полыхали леса. В гигантских кострах, под жуткий вой пламени и оглушительную канонаду лопающихся от дикого жара могучих стволов вековых деревьев, в пепле и дыму погибали десятки тысяч Животных и Человеков...

Там, где лесов не было, Люди заживо сгорали в своих домах. Под открытым сине-желтым небом, где не было ни домов, ни строений, Люди падали мертвыми от раскаленного удушья и беспощадных смертельных ударов разъяренного Светила...

А еще Люди и сами убивали друг друга. Как ни странно – чтобы отвоевать себе место под этим же самым безжалостным Солнцем...

Чуть ли не весь земной шар был, словно оспенной сыпью, покрыт войнами, взрывавшимися от искусственных и злобно-лживых причин. Но Господь почему-то не торопился исцелить Землю от войн. И сыпь превращалась в кровоточащие язвы, уносящие миллионы людских жизней на тот самый берег Стикса, откуда, как известно, еще никто не возвращался в эту Жизнь...

И жара, ниспосланная Господом на Землю в то лето, тоже, видимо, была карой за все людские прегрешения на этом свете.

Хотя, если подвергнуть действия Всевышнего элементарному логическому анализу и без иронических ухмылочек безоговорочно поверить в его «всемогущество», о котором теперь стало модно трепаться на всех углах, то совершенно естественным окажется вопрос, обращенный к Нему:

– Боже милостивый! Так ли уж нужно увеличивать страдания Человечества в наказание за совершаемые им грехи? Не проще ли, пользуясь собственным Всесилием, попросту лишить Людей возможности совершать эти грехи и попытаться хоть ненадолго примирить их друг с другом... А, Господи?

В тот вечер в Мюнхене стояла отвратительная, душная, клейкая жара.

А тут еще, черт побери, роскошный пригласительный билет с выпуклыми тиснениями категорически требовал от дам прибыть в резиденцию баварских королей «в коротком или длинном, но вечернем платье», а от мужчин – «в смокинге или темном костюме»! Естественно, что для особ мужского пола подобный наряд предполагал еще и галстук, который Михаил Сергеевич Поляков, в прошлом известный русский карикатурист и книжный иллюстратор (когда-то – нарасхват!), а нынче семидесятидвухлетний пенсионер, житель славного города Мюнхена, терпеть не мог.

«Герр Михаэль Поляков», как было написано в приглашении на правительственный прием, обычно надевал галстук или бабочку один раз в году и то всего на десять минут: за пять минут до встречи Нового года и еще на пять минут в уже наступившем Новом году.

Но уже с шести минут первого ночи первого же января Поляков стаскивал с себя «эту штуку» и начинал наслаждаться живительной свободой расстегнутого воротничка рубашки.

Он даже на приемы российского консульства, когда на вилле генерального в Богенхаузене собиралась русская творческая интеллигенция, в разные времена и по разным причинам осевшая в Мюнхене, и то умудрялся приезжать без галстука.

Но сегодня подобного «вольтерьянства» он себе позволить не мог.

Единственное, что он сделал в отличие от общей массы приглашенных на этот прием, – приехал из своего Нойеперлаха на Одеонсплац к резиденцтеатру не на собственном автомобиле, а на метро.

Он точно знал, что к концу этого вечера он будет физически вымотан до предела, а в свои за семьдесят, несмотря на ежедневные утренние отжимания, десятикилограммовые гантели и прочие спортивные глупости, садиться за руль обессиленному, опустошенному, еле волочащему отекающие ноги, с трудом сдерживая дрожь рук (уж не старик ли Альцгеймер стучится в дверь?), в состоянии весьма близком к потере сознания, наверное, все-таки не стоит. Проще будет взять такси. Благо стоянка там, на Одеонсплац, просто под носом...

Раньше, когда он был моложе и сил у него было еще предостаточно, его никогда не занимала мысль, а сможет ли он сесть за руль после всего ЭТОГО. Тогда он делал СВОЕ дело, выпивал полстакана джина со льдом, лимоном и тоником, выкуривал сигарету, садился в машину и без тени сомнения вставлял ключ в замок зажигания...

Но сегодня отсутствие автомобиля было единственным отличием «маэстро Михаэля Полякова» от всех остальных. Сегодня у него не было права внешне чем-то отличаться от всех остальных приглашенных. «Заказ» был достаточно крупным, для кого-то в Москве очень важным, и старик Поляков точно знал, что за таким «заказом» немедленно последуют еще несколько аналогичных «заказов» – уже с противоположной стороны, – и они принесут «маэстро Полякову» ту свободу действий, ради которой он и брался за ЭТУ работу. Поэтому никаких срывов быть не должно!

И если кому-то покажется, что глубокоуважаемый Михаил Сергеевич Поляков, чьи выставки карикатур и книжной графики когда-то обошли чуть ли не весь цивилизованный мир, появился на деловито-помпезной московско-баварской смычке в резиденцтеатре Мюнхена, чтобы отдохнуть, людей посмотреть и себя показать, тот глубоко и наивно заблуждался: М. С. Поляков прибыл в резиденцию РАБОТАТЬ.

...Два месяца назад в Москве проходили Дни Баварии. Москвичи принимали немцев «под большое декольте»! Правительство Москвы вывернулось буквально наизнанку, чтобы улажить и попытаться приручить осторожных и скуповатых немцев.

Кое-что там у русских по мелочи состоялось. Что-то не получилось. Но москвичи не теряли надежды. Впереди предстояли ответные Дни Москвы в Мюнхене, где уже под южно-германским небом, среди альпийско-озерных ландшафтных чудес, под сотню сортов баварского пива и одуряющий запах жареных свиных ножек, вдали от недремлющего и подозрительно-ревнивого ока «семейной» команды своего «непредсказуемого», но грозно увядающего Президента наконец-то удастся уломать богатеньких баварцев пойти на деловые контакты с Москвой и заставить их поверить хотя бы в одну треть клятвенных обещаний и посулов напористых москвичей.

Тем более что глава русской делегации – он же хозяин десятиллионной Москвы – уже открыто начал огрызаться на Кремль и не менее откровенно готовился сменить свою народно-демократическую хитроватую кепочку на императорскую корону властителя всея Руси.

И вот это уже баварские жлобы и тугодумы, упиханные миллиардами марок и готовые удавиться за два пфеннига, просто обязаны принять во внимание самым серьезным образом. Неужто не понимают, что при таких, как говорят сейчас в России, «судьбоносных раскладах» можно очень даже неплохо приподняться и наварить. И себе, и людям...

А можно оказаться и с голой жопой. Если заранее не просчитать несколько нужных ходов до начала смены вех. В конце концов, на Баварии свет клином не сошелся.

Поэтому хозяин Москвы привез с собой уйму своего ручного народа – и политического, и делового, и развлекательного.

Причем «политические» проявляли бешеную деловую хватку, а «деловые» так тонко лавировали политически, что отличить их друг от друга было практически невозможно.

Зато «развлекательный» московский народ очень даже был отличим от остальных. Мощная концертная русская программа, сопровождавшая в Германии хозяина Москвы, была отменного качества и самых широких интернациональных взглядов. От еврейской дамы – руководителя превосходного скрипичного оркестра – до воинствующего антисемита – в прошлом очень популярного и красивого артиста Театра Вахтангова и советского кинематографа. Делать ему в Германии было абсолютно нечего, ибо в Баварии его никто никогда не видел, но среди своих считалось, что его рано состарившееся и помятое личико обязано украшать московскоэлитную политделовую камарилью.

Но это уже была дань старинным хрущевским традициям: во все иностранные визиты советских вождей положено было возить с собой и «творцов», дабы каждому заграничному засранцу было ясно, что есть у нас еще творческий порох в интеллектуальных пороховницах и мы нашу твердую социалистическую руку держим не только на ядерной кнопке, но еще и на пульсе нашего родного Советского Искусства – полпреда Великого Государства на враждебном и растленном Западе.

Казалось бы, все вроде бы там поменялось, а вот, поди ж ты, что-то и сохранилось до сегодняшних смутных дней. Потому как ежели все прошлое огульно отрицать и охаивать – можно и ребеночка с водой выплеснуть!..

Небольшой зал знаменитого Мюнхенского резиденцтеатра был достаточно уютен и порадовал своим поистине баварско-королевским безвкусием!

С балконов и ярусов тяжко свисали булыжно-тяжелые и непропорциональные лепные гипсовые (а может, и бетонные) штандарты и знамена с лепными же кистями и бахромой. Для вящего реализма лепнина была раскрашена масляными красками «под ткань». Преобладали четыре цвета – красный, золотой, голубой и белый.

Многослойные кордоны полиции в штатском и агентов БНД – Бундес Нахрихтен Динст – учреждения, аналогичного нашим родным НКВД – КГБ – ФСБ, – мягко и вежливо проверяли у всех пригласительные билеты и мгновенно обшаривали опытным острым глазом каждого переступавшего порог резиденции. Часть агентов была наряжена в ливреи капельдинеров старинного театра: темно-коричневый камзол с золотым шитьем, белое пышное жабо у шеи, короткие, по колено, штанишки с золотыми лампасиками, белые чулки и грубые лакированные черные башмаки с квадратными носами и большими золотыми пряжками. А на голове – белый парик с пышным хвостом чуть ли не до лопаток.

«Интересно, вооружены ли они?» – подумал Михаил Сергеевич.

И в эту же секунду один такой ряженный капельдинер нагнулся, чтобы поднять упавший веер какой-то дамы, борт камзола у него оттопырился, и старый маэстро Поляков увидел у капельдинера под коричневым камзолом с золотым шитьем аккуратную оружейную сбрую с торчащей рукояткой большого плоского автоматического пистолета.

В последний раз Михаил Сергеевич Поляков носил пистолет почти полвека назад, и только всеармейское сокращение начала пятидесятых годов избавило его от необходимости таскать с собой эту штуку...

– Михал Сергеич! Мы вам в боковой ложе местечко заняли. И сцена – как на ладошке, и царскую ложу отлично видно, – сказал Полякову моложавый и очень элегантный русский вице-консул. – Идемте. Там моя Ветка места для нас держит.

И вице-консул почтительно взял Полякова под руку.

«Уж не по мою ли ты душу, мальчик?» – промелькнуло в голове у старого Михаэля Полякова.

На мгновение ему стало безумно жаль этого симпатичного русского, фамилию которого он, к своему стыду, все никак не мог запомнить. Хотя за последние три года на консульских приемах они с этим вице-консулом преломили уже, наверное, не один десяток рюмашей.

– Спасибо, Димочка, – улыбнулся Поляков. – Я буду вам очень признателен, если вы меня здесь секунду подождете. Я буквально на мгновение должен заскочить в туалет... По своей стариковской нужде. Храни господь вас, Дима, от аденомы!..

– А что это такое? – спросил вице-консул.

– Счастливец! Он даже не знает, что такое аденома простаты! – рассмеялся Поляков и покинул вице-консула Диму.

Упомянув про аденому, старик лукавил: аденомы у него давным-давно не было. Его прооперировали еще лет пятнадцать тому назад в Ленинграде.

Но в туалет ему нужно было действительно. И нужда была совсем-совсем не стариковской.

Он заперся в кабинке, присел на крышку унитаза и вынул из кармана пиджака сотовый телефон, ничем не отличающийся от других таких же телефонов – разве немного потолще.

Нажал на еле приметную кнопку и раскрыл этот телефон так, как раскрывают твердые футляры для очков. И перед старым М. Поляковым предстала во всей своей электронной красе и таинственности одна из последних игрушек деловой современности – спутниковый телефон-компьютер «Нokia-коммуникатор» стоимостью в одну тысячу долларов и весом всего в двести пятьдесят три грамма. Михаил Сергеевич надел очки, тщательно проверил, защелкнула ли дверь кабинки изнутри, и одним легким прикосновением к клавише на клавиатуре компьютера под вытянутым зеленым экранчиком-дисплеем, прямо с туалетного горшка резиденции баварских королей в Мюнхене, в мгновение ока оказался в Нью-Йорке – в сети «Чейз-Манхэттен-банка», который и не подозревал, что одного из его давних и серьезных вкладчиков под этим вот номером зовут Михаэль, а по-английски – Майкл Полякофф.

У банка был только его код и номер счета. Этого было совершенно достаточно. Ну не хочет многоуважаемый Мистер Вкладчик обнародовать свое имя... Мало ли что! В наш пылivo-прогрессивный век, когда юные гении-хакеры умудряются взломать компьютерные секреты Пентагона, кто может упрекнуть солидного вкладчика в нежелании доверять свое имя даже собственному банку?

А то, что клиент был не просто «солидным», а «очень солидным», было ясно из состояния его банковского счета: поступления, правда, были редкими – не больше четырех-пяти раз в году («Как у любого хорошего художника...» – усмехнулся Поляков), однако настолько основательными, что терять такого клиента было бы очень невыгодно. Поэтому банк и не любопытствовал, кто это там прячется за сухим и бесстрастным кодом. В ряде случаев в перечень банковских услуг входила и полная анонимность клиента.

М. С. Поляков набрал код своего счета. На долю секунды экранчик задумался, засуетился цифирьками, а потом тормознулся и четко сообщил владельцу кода, что вот только-только на его счет поступило пятьсот тысяч долларов США.

Это была ровно половина сегодняшнего гонорара Михаила Сергеевича. Вторую половину он получит сразу же после того, как «Заказчику» станет известно, что его «заказ» выполнен.

Варианты обмана, невыплаты второй половины договорной суммы были просто исключены.

Когда-то кое-кто предпринял несколько наивных попыток недоплатить Михаилу Сергеевичу за уже выполненную работу. И каждый раз эти попытки кончались достаточно печально для родственников, близких друзей и деловых партнеров внезапно скончавшегося «Заказчика». Его похороны и последующие неурядицы, возникавшие в связи с его неожиданной смертью, обходились им почти во столько же, на сколько покойный «Заказчик» пытался «кинуть»

Михаила Сергеевича – человека пожилого и предельно аккуратного в принимаемых на себя обязательствах...

Сведения о нескольких «необъяснимых» кончинах невероятно высокопоставленных, но не очень добросовестных при окончательных расчетах хозяев Российского пространства мгновенно были поняты всеми русскими криминальными авторитетами мирового масштаба; мощно и пугающе внедрились в сознание местечково-мудрых олигархов коренных и не очень коренных национальностей; с трудом протолкнулись в черепа могучей военно-вороватой элиты, стоящей во главе распада русской армии; с пугливым пониманием были восприняты Верхней и Нижней палатами Парламента и очень внимательно учтены администрацией самого президента России.

После удивительных смертей «Заказчиков», задолжавших Михаилу Сергеевичу вторую половину гонорара, недоплаты прекратились. Все, кто так или иначе был заинтересован в исчезновении с лица Земли своего конкурента, врага или друга, все, кому были так необходимы абсолютные гарантии чистоты «исполнения» без каких-либо дальнейших последствий, теперь вели себя по отношению к М. С. Полякову более чем корректно!..

Никто из «Заказчиков» никогда его не видел, не знал, как он выглядит, кто он такой, сколько ему лет, где он живет и каким образом исполняет их заказы.

Михаилом Сергеевичем и Альфредом была разработана поразительно простая, даже чуточку глуповатая система кодированной связи с ним при помощи тучи отчаянных объявлений в так называемой службе знакомств, втекающих жалким и вялым финансовым ручейком в издания русскоязычных газет чуть ли не всего мира. А сегодня этих газет расплодилось тьма-тьмуцкая!

Очень корректными выглядели и «заказанные» трупы после участия в их кончине Михаила Сергеевича: никаких внешних, никаких внутренних следов насилия. Вскрытия констатировали смерть всего лишь от трех причин: или обширнейший трансмуральный инфаркт миокарда (это у человека, вообще не имевшего понятия, что такое элементарная одышка!), или разрыв аневризмы аорты (у клиента с бычьим здоровьем, никогда не слышавшего даже такого слова, как «аневризма»), или молниеносный спазм сосудов мозга, мгновение тому назад наполненного блистательно-убийственными идеями.

Или полным отсутствием таковых, что делало «Заказанного Клиента» еще более уязвимым...

Сегодня утром этих денег еще на счете Михаила Сергеевича Полякова не было.

Он уже даже собирался позвонить генеральному консулу России, с подачи которого получил приглашение от баварского правительства на Дни Москвы, и попросить прощения за невозможность воспользоваться столь любезным приглашением, сославшись на естественные в таком преклонном возрасте недомогания: резкие скачки давления, вызванные знаменитыми мюнхенскими погодными экзерсисами, а также ветром с Альп, на разыгравшуюся подагру и так далее. Короче – все, чем славна столица Баварии и к чему нельзя ни адаптироваться, ни привыкнуть, даже если вы родились в этом славном городе, где когда-то, почти в одно и то же время, на Шляйсхаймерштрассе чуть ли не бок о бок жили и Владимир Ильич Ульянов, и Адольф Алоизович Шикльгруббер...

Но потом Поляков сообразил, что Нью-Йорк по времени отстает от Мюнхена на шесть часов! И в то время, когда Михаил Сергеевич садился завтракать, в Нью-Йорке только-только начиналась ночная жизнь.

Так что у «Заказчика» практически оставался еще целый день в запасе. И Поляков решил все-таки пойти на этот международный политторговый междусобойчик. Во-первых, чтобы не

торчать весь вечер дома у телевизора, а во-вторых, чтобы на всякий случай живьем увидеть своего возможного «Клиента». Вдруг он еще потом кому-нибудь пригодится. А если деньги к вечеру так и не поступят на кодовый счет Полякова, то он и пальцем не шевельнет. И навсегда забудет, как выглядит газетно-журнально-телевизионный образ его вероятного «Клиента». Черт с ним, пусть живет...

Он даже почувствовал что-то вроде облегчения. Причем отнюдь не нравственного, а чисто физического высвобождения от тяжелой и неприятной обязанности. Вроде бы: «Слава богу, что не придется перетаскивать тяжелый шкаф в другую комнату. Пусть остается там, где раньше стоял...»

Но теперь деньги были получены и «шкаф придется перетаскивать».

Михаил Сергеевич еще раз проглядел банковское сообщение о поступлении полумиллиона долларов на его счет и удовлетворенно пробормотал по-русски:

– То-то же... – и презрительно добавил: – Бляди.

Снял очки, спрятал свой чудо-«коммуникатор», привычно оторвал от рулона кусок туалетной бумаги, приподнял крышку унитаза, бросил туда бумажный комок и спустил воду. Так сказать, «озвучил» невинность своего пребывания в туалетной кабинке.

А потом вышел ровно через столько времени, сколько потребовалось бы старому семидесятидвухлетнему человеку привести себя в порядок после посещения уборной.

Наверное, из глубочайшего почтения к памяти баварских королей резиденцтеатрик был реставрирован так бережно, что оснастить его кондиционерами никому даже в голову не пришло! А если бы подобное предложение прозвучало тогда вслух, оно могло быть расценено как святотатство и грубая попытка потрясения государственно-исторических основ Баварии...

Зальчик театра с барельефными и раскрашенными знаменами был уже до отказа забит мужчинами в «смокингах или темных костюмах» и женщинами в «длинных или коротких вечерних платьях», как и требовал того роскошный пригласительный билет с правительственным гербовым тиснением.

Духота стояла такая, что Михаилу Сергеевичу Полякову сразу же захотелось выскочить оттуда и дробной рысью помчаться домой, в свою небольшую прохладную квартирку на окраине Мюнхена, в Нойеперлахе, под освежающий душ, в спасительную возможность содрать с себя ненавистный галстук и праздничные штаны к чертям собачьим и в одних трусах, с кружкой ледяного «Аугустинер гольд» лениво трепаться с Альфредом, который будет просто счастлив, если Поляков неожиданно вернется домой...

Ах, как было бы превосходно прихлебывать сейчас холодное пиво, вяло перебирать тридцать пять телевизионных программ и наконец задержаться на старом, доперестроечном советском фильме, идущем по российскому каналу...

И чтобы фильм был наивен, ностальгически узнаваем, а местами даже немножко бы раздражал. Тогда можно было бы незлобиво препираться с Альфредом, которому почти всегда очень нравилось то, что обычно раздражало Михаила Сергеевича.

Хорошо бы с экрана услышать русские слова, произносимые милыми и талантливыми актерами, когда-то хорошо знакомыми по Москве и Ленинграду, которые сегодня почти все уже умерли от внезапной нищеты и неопрятной старости...

Да и Альфред ужасно не любил, когда Михаил Сергеевич даже ненадолго уходил из дому.

Другое дело, когда Поляков вдруг неожиданно бывал вынужден срочно вылететь в Россию или Америку, в Испанию или Грецию, Швейцарию, сесть за руль своей пожилой, но мощной спортивной «мазды» и уехать на ней в Париж, в Ниццу, в Голландию или Бельгию, куда

призовет его новый срочный «заказ». Тогда Альфред просто обязательно отправлялся в такое путешествие вместе с Поляковым...

Чему, нужно честно признать, Поляков всегда только радовался. Несмотря на то, что Альфред временами бывал чрезвычайно занудлив и утомителен в своей воинственно-примитивной безапелляционности.

В Мюнхене же, где они теперь жили постоянно уже шестой год, Альфред был лишен возможности сопровождать Полякова при его выходах из дому, так как Охрана Дома для Альфреда была священной обязанностью, предначертанной ему свыше.

А вот уже выезды Полякова за границы Мюнхена считались как бы «перемещением их Дома в пространстве», а следовательно, и законным перемещением Альфреда вместе с М. С. Поляковым по всему миру...

Но сегодня Михаил Сергеевич не мог порадовать своего партнера ранним возвращением домой. Аванс, перечисленный из швейцарского филиала банка «Лионский кредит» на тайный счет Полякова в «Чейз-Манхэттен-банке», обязывал Михаила Сергеевича выполнить свою работу, как всегда, четко и безукоризненно.

Тем более что полученные сегодня пятьсот тысяч долларов были всего лишь половиной гонорара, а до той суммы, которую Поляков был обязан заплатить как первый взнос в осуществление своего проекта, своей давней, прекрасной и тайной мечты, не хватало именно этого миллиона долларов...

Русский вице-консул Дима и его миловидная жена Вета заботливо усадили Полякова в действительно очень удобной боковой ложе у сцены и еще снабдили его красочной программкой предстоящего вечера.

На полу сцены между микрофонными стойками была водружена корзина гигантских размеров с превосходно подобранными очень красивыми цветами, обязанными символизировать будущее безоблачное партнерство Москвы и Баварии.

Сцена королевского резиденцтеатра была маленькой, и Поляков подумал, что размерами она сильно смахивает на сцену старого Ленинградского кукольного театра на улице Некрасова.

В том, что королевская сцена в Мюнхене несла на себе некоторые черты ленинградской кукольности, было и заметное преимущество – когда авторы политторгового братания Москвы и Баварии показались из-за кулис, то до стоящих в центре сцены микрофонов длинноногому поджарому баварцу пришлось сделать всего три шага, а коренастому квадратненькому московскому мужичку – четыре.

Три шага одного и четыре другого были сделаны под слабые, осторожные аплодисменты. После чего в зале сразу же наступила дисциплинированная немецкая тишина.

Со сцены в зал потекли ни черта не значащие, но обязательные слова на русском и немецком языках.

К душным горячим вихрям, витавшим вокруг полусваренных в собственном поту гостей, примешивались знойные волны зависти замурованных в галстуки мужчин к декольтированным дамам. Пытаясь создать хоть какое-то живительное дуновение, все обмахивались тисненными программками.

Усеявшись на свое место, Поляков немедленно расстегнул две верхние пуговички рубашки, очень сильно ослабил галстук и предложил Диме сделать то же самое.

– Не могу, Михал Сергеич, – шепнул ему вице-консул. – Протокол, мать его...

– Да пошлите вы этот протокол к свиньям собачьим! Дышать же нечем...

Но Дима только отрицательно покачал головой и сотворил на своем дипломатическом лице почти искреннее внимание к привычным заклинаниям, звучащим со сцены.

Вета придвинулась вплотную к Полякову, прижалась к нему теплым плечом, неслышно рассмеялась:

– Это вы, Михал Сергеич, свободный художник... Как хотите – так и поступаете. А мы людишки служивые, подневольные. Тем более что наш посол очень даже внимательно поглядывает на всех нас – мидовцев. Будто только за этим сюда и приехал из Бонна.

От близости молодой и красивой женщины у Полякова перехватило дыхание и слегка запершило в горле. Он отодвинулся от Веты, чуть прокашлялся и попросил:

– Покажите мне посла, Веточка. Со старым я был даже знаком, а вот нового еще никогда не видел...

– А вон он – в центральной ложе. Слева.

На высоте второго яруса, в игрушечной ложе, вжавшись в левую боковую портьеру, сидел посол России – невзрачный человек лет сорока пяти. Рядом с ним пустовало кресло хозяина Москвы, временно пребывающего на сцене.

В этом же коротком первом рядочке восседала дама в очках. Вероятно, супруга-с московского правителя. Потом шло еще одно пустенькое креслице, скорее всего президента Баварии, а уже у правой портьеры восседала элегантная мадам президентша.

Первые леди перешептывались через пустующее место президента при помощи переводчика, стоявшего в полупоклоне за спинками их кресел.

А в глубине ложи, скрытые полутьмой, где и стульям-то поместиться было негде, оживленно жестикулировали и легко, весело и раскованно трепались о чем-то своем трое мужчин, лишь изредка мельком поглядывая на сцену, чтобы не пропустить окончание речей своих боссов.

В одном из них – самом раскрепощенном и могучем полном человеке с неожиданно изящной пластикой жеста, которой почти всегда обладают очень сильные и богатые лакеи, способные мгновенно изменять ход мыслей своих господ, – Михаил Сергеевич Поляков с радостью ближайшего родственника узнал своего ЗАКАЗАННОГО КЛИЕНТА!

Слава те господи, хоть не придется теперь разыскивать его после концерта в потной толпе...

Но этот высоченный, мощный и уверенный в своей непотопляемости, веселый и, наверное, очень остроумный тип, стоящий сейчас за державными креслицами, вдруг словно что-то почувал!

Неожиданно для собеседников он прервал себя на полуслове и стал тревожно оглядываться.

«Все как всегда...» – подумал Поляков.

За несколько мгновений до «исполнения» в голове даже самого легкомысленного и беспечного «приговоренного» возникало непонятное, неясное, бесконтрольное чувство опасности и обреченности. Эти ощущения почти никогда не успевали перейти в состояние истерической паники: мгновенная смерть настигала «Клиента» уже на первом этапе – внезапном ощущении боязни ЧЕГО-ТО...

Еще никогда никто из «крестничков» Михаила Сергеевича не успевал понять: что же его так встревожило?..

От того места, где сидел Поляков вместе с вице-консульской четой, до центральной правительственной ложи с «объектом» было всего метров тридцать – не больше.

«Ну что?.. Будем прощаться, малыш?» – мысленно спросил Поляков у высокого толстого весельчака.

И подумал о том, что вторую половину гонорара он теперь должен будет получить не позднее послезавтрашнего дня. Сегодня у нас воскресенье, завтра понедельник, послезавтра вторник. Прекрасно! Потому что уже со среды Михаилу Сергеевичу Полякову предстояли очень крупные платежи.

Несмотря на удушающую жару небольшого зальчика, переполненного взмокшим и уже изнуренным народом, Михаил Сергеевич, как всегда перед исполнением заказа, почувствовал острую головную боль, легкий озноб, услышал усиливающийся звон в ушах, а затем все существо Полякова на долю секунды должно было сковать состояние самой настоящей катаlepsии, за время которой мозг Полякова полностью подчинится сиюсекундному неотвратимому желанию и даже ему самому непонятным образом сконцентрирует в себе дикую, фантастической силы разрушительную Энергию!

И почти без паузы, будто по приказу неведомой Высшей Силы, должен был последовать чудовищной мощности четкий прицельный энергетический выброс, после которого моментально исчезала головная боль, а... человек, в которого Поляков направлял свой удар, начинал падать УЖЕ МЕРТВЫМ. Его сердце останавливалось мгновенно, на полувздохе, и никакая самая скорая помощь в мире во главе даже с гениальным стариком Дебейки, никакие инъекции, никакие дефибрилляторы, изрыгающие спасительные шесть тысяч вольт, уже никогда не могли вернуть этого человека к жизни...

Но вместо того чтобы усиливающийся звон в ушах маэстро Полякова достиг бы той нестерпимости, когда за самой высокой нотой последовал бы убийственный «разряд», Михаил Сергеевич вдруг совсем рядом почувствовал запах прелестных и нежных духов, ощутил ласковую теплоту женского плеча, и от этого звон в ушах стал слабеть, а секунду спустя он даже смог услышать тихий шепот Веты – жены русского вице-консула:

– ...мы с Димой неделю были дома, в Москве. Наш Филипп-дылдошка, выше папы на полголовы, – на втором курсе МГИМО, живет там один. Бардак, каких свет не видел! Грязи – вагон! Ну я возьми и устрой глобалку. И нашла старые детские книжки нашего Филипика... Притомилась, села на кухне, сообразила полстаканчика кампари и давай разглядывать эти книжки. Прихлебываю, а сама думаю: «Господи, да какие же мы уже старые...» И так жалко себя стало! Чуть не расплакалась. А потом гляжу, на нескольких, самых растрепанных, напечатано специальным детским почерком: «Картинки рисовал Мика Поляков». И картинки – просто прелесть! Это ведь вы, да, Михал Сергеевич? «Мика Поляков» – это были вы?..

«Черт с ним, пусть поживет еще минут двадцать...» – подумал Поляков о своем «Клиенте».

И увидел, как тот вдруг замотал головой, словно пытался стряхнуть с себя кошмарное видение. А потом туг же (он был явно очень сильным человеком!) снова включился в разговор в глубине ложи. Но уже без жестикуляции и веселья.

– Вы меня слышите, Михал Сергеевич? – шептала Вета, с преувеличенным вниманием глядя на сцену.

Поляков судорожно передохнул, слегка пришел в себя, помолчал и ответил:

– Слышу.

– Так это вы были – «Мика»?

– Да.

– Мика! В десять лет человек уже должен отвечать за свои поступки!!! – Разъяренный голос мамы прогремел еще из коридора.

Мика вздрогнул от неожиданности, но в мгновение ока совершил несколько отточенных, тренированных движений – он моментально сбросил в специально приоткрытый ящик своего письменного стола томик Луве де Кувре «Любовные приключения кавалера Фоблаза», коленкой в цыпках и ссадинах задвинул ящик, а со стола тут же стянул на себя подготовленный вот для таких пожарных случаев огромный верещагинский альбом «Отечественная война 1812 года»...

Чем и прикрыл свою порочно торчащую десятилетнюю пипку, молниеносно вскакивавшую на дыбы, как только Мика прикасался к «...кавалеру Фоблазу», или брал в руки сомовскую «Большую маркизу», или начинал разглядывать тончайшие рисунки Бердслея.

Воспаляющий воображение текст де Кувре, откровенно эротические иллюстрации походов Фоблаза, изящные, волнующие картинки Сомова сводили Мику с ума, сердце билось гулко и очень быстро, а в голове вспыхивали дикие, бесстыдные, фантастические, ужасные видения обнаженных и полуодетых знакомых девочек, маминых подруг, домработницы Клары... И он, десятилетний Мика Поляков, делал с ними ЭТО!.. Как кавалер Фоблаз!.. Как арцыбашевский Санин, книжку про которого Мика спер в отцовской библиотеке... Он совершал с ними все, что подсказывало ему горячее воспаленное воображение, рожденное неизвестным, но неукротимым мальчишечьим желанием!..

А потом наступали постыдная апатия, мучительные головные боли, сонливость и гадливое отношение к самому себе.

...Мама – рыжая, статная и очень красивая мама – ворвалась в детскую в распахнутой шубке из коричневой каракульчи, прыгая на одной ноге. Один фетровый бот она уже успела надеть, второй еще держала в руке. Скорее всего, известие, которое потребовало немедленного материнского воспитательного участия, застало ее именно посередине процесса натягивания фетровых бот.

– Только что звонил Рувим Соломонович!.. Ты меня слышишь?! – крикнула мама и для устрашения ляпнула по краю стола своим фетровым ботом.

Мика отшатнулся, на всякий случай сотворил лицом испуг, что было, прямо скажем, несложно, ибо мама могла и по заливку треснуть, и, не вставая со стула, заныл с искусственно приклатненной хрипотцой:

– Че я сделал-то, мам?!

И «че», и хрипотца, и приклатненность были неотъемлемой частью двора, улицы, школы, спортзала...

Несмотря на своих ленинградско-светскую маму и папу-режиссера, Мика Поляков никогда не был исключением во всеобщем мальчишеском сословии.

– Где ты шляется вчера вечером?! Где деньги, которые я велела тебе передать Рувиму Соломоновичу за три последних занятия?! Отвечай немедленно!..

Ну, с «немедленными» ответами у Мики никогда не было проблем.

– Мамоchка, мусенька, миленькая!.. Я не хотел тебя огорчать... Я как только потерял эти проклятые пятнадцать рублей, так сразу и решил не идти к Рувиму Соломоновичу...

– Господи! – завопила мама и плюхнулась на диван, пытаясь натянуть второй фетровый бот. – Бьешься изо всех сил, стараешься обучить ребенка музыке... Ты же воспитываешься в интеллигентной семье! Папа говорит на трех языках! В доме бывают известнейшие люди страны – писатели, поэты, актеры, сценаристы, орденосцы!!! О черт подери!.. Где деньги?!

– Потерял, – тихо повторил Мика.

Теперь его уже ничто не могло заставить признаться в том, что вчера вечером, когда он должен был идти на «урок фортепьяно» в огромную нищую коммунальную квартиру, где проживал одинокий, старый, неопрятный и очень бедный тапер из кинотеатра «Титан», и передать ему пятнадцать рублей за последние три занятия, он вместе с еще одним учеником Рувима Соломоновича – тихим Борей Хаскиным – сначала прожрали пять рублей на Литейном в магазине «Восточных сладостей», потом купили пачку «Казбека», накурились до одури, а потом, на углу Невского и Екатерининского канала, в подвальчике «Горячие напитки», оставшиеся шесть с полтиной пропили в самом прямом смысле этого слова: надрались горячего грога с корицей.

Почему им, десятилетним, продали этот грог – одному богу было известно.

ционарными студийными магнитофонами настоящий оркестр и действительно мощный и прекрасный голос этой циничной бабы в сарафане и кокошнике.

Недавно Альфред и Мика смотрели по русскому каналу передачу об этой тетке. Из какого-то душещипательного цикла...

Так уж на что Альфред – искренняя и простая душа, вечный и верный поборник и защитник всего РУССКОГО – и тот почувствовал всю хищную фальшь этой, несомненно, талантливейшей дамы, в короткий срок сумевшей полностью завладеть обширной и беспроектной, почти государственной, «народно-российской» нишей сегодняшней московской эстрады.

От лживых откровений этой напористой бабешки Михаил Сергеевич потом полчаса отплевывался, а бедняга Альфред до позднего вечера только горестно вздыхал и постанывал, словно от зубной боли...

...Но сейчас она была здесь, в Мюнхене, на сцене, вовремя открывала рот, четко попадала в собственную фонограмму, и глаза всего зала, в том числе и вице-консула Димы, и его жены, оборотительно пахнущей Веты, были устремлены на сцену.

И Михаил Сергеевич, нужно отдать ему должное, с удовольствием заметил, что почти все немногочисленные россияне, так или иначе оказавшиеся в этом зале, сдержанно и горделиво поглядывали по сторонам, ощущая себя в какой-то мере причастными к прекрасному пению этой немолодой эстрадной дивы в сарафане и кокошнике.

Поляков оглянулся на царскую ложу. Хозяин Москвы и президент Баварии уже сидели около своих жен. Из-за спинок их кресел что-то шептал переводчик.

А за переводчиком стояли все те же трое, один из которых, самый большой и мощный, самый уверенный в себе, наверное, самый влиятельный и для кого-то самый опасный, и был «Клиентом» старого семидесятидвулетнего Мики Полякова.

Почему-то Михаил Сергеевич представил себе своего «Клиента» голым, волосатым, яростно распаленным, с животным и диким неистовством занимающимся любовью с Ветой – женой вице-консула Димы. Увидел и ее – полураздетую, взвизгивающую и всхлипывающую от наслаждения, и завистливая старческая ненависть к сильному и молодому самцу помогла М. С. Полякову сконцентрировать себя на том, что должно было произойти через несколько мгновений.

«За такого надо было больше брать! – подумал Мика и мысленно сказал своему „Клиенту“: – Прощай, сынок...»

И опять по нарастающей кривой – звон в ушах; короткий, но каждый раз пугающий Мику провал сердечного ритма; ощущение внезапно нахлынувшего жара, как при высокой температуре; мгновенное напряжение всех мышц, сильно смахивающее на кратчайший миг катаlepsии, и...

Невидимый, беззвучный, невероятной разрушительной силы «энергетический разряд» вылетел из таинственных глубин мозга Мики Полякова и не оставил его «Клиенту» ни малейшего шанса на продолжение жизни.

По фантастической случайности «разряд» точно совпал с окончанием старинной русской народной песни, взрывом радостных и удивленных аплодисментов истомившегося зала и предсмертным хрипом «Заказанного Клиента». Никто в зале даже не услышал достаточно громкого глухого стука упавшего тела бывшего «влиятельного», бывшего «опасного», а ныне обычного, хотя и очень тяжелого трупа...

Но и Полякову теперь такие трюки давались непросто: почти теряя сознание, мгновенно обессилевший Мика слабевшим взглядом еще успел увидеть смятение в царской ложе, и в голове у него промелькнуло: «Господи, хоть бы самому не перекинуться...»

– Что с вами, Михал Сергеевич?! – будто издали услышал он голос Веты, но явственно ощутил запах ее духов, ее тела.

Этот призывный, манящий запах всколыхнул в старом Мике Полякове былое, почти ушедшее с годами «мужчинство» и вернул его из подступающего небытия.

«Нет... Не в этот раз...» Мика даже мысленно ухмыльнулся.

– Дима! Дима!.. – почти отчетливо услышал он испуганный шепот Веты. – Михал Сергеичу плохо!.. Ну Дима же!..

Окончательно Мика Поляков пришел в себя лишь тогда, когда Вета и Дима выволокли его из душного зала.

– Где ваша машина, Михал Сергеич? – громко, словно глухого, спросил его Дима.

Поляков глубоко вздохнул и отрицательно покачал головой. На ответ сил пока еще не было.

Дима вытащил из кармана брюк связку ключей, отдал их Вете и быстро сказал:

– Ветка, родненькая, отвези Михал Сергеича домой на нашей тачке. Если нужно – вызови врача. Я должен бежать обратно... Простите, Михал Сергеич, там у нас что-то случилось!..

Свое ПЕРВОЕ УБИЙСТВО Мика совершил двенадцати лет от роду.

Он даже и не понял, что ЭТО УБИЛ ОН. Об этом Мика догадался спустя несколько лет.

Просто за секунду до своего ПЕРВОГО УБИЙСТВА Мика Поляков – ученик пятого класса «А» средней художественной школы Куйбышевского района города Ленинграда – страстно, до головокружения, до нестерпимого жара, чуть ли не до остановки собственного сердца МЫСЛЕННО ПОЖЕЛАЛ СМЕРТИ ученику шестого класса «Б» Толе Ломакину...

У того мгновенно округлились и бессмысленно выкатились глаза, рот широко открылся, раздался жуткий нечеловеческий всхлип, он стал белым, как чистый бумажный лист из альбома для рисования, изо рта его толстой струей хлынула кровь, и Толя Ломакин упал на «палубный» пол школьного спортивного зала уже МЕРТВЫМ...

А рядом с мертвым Толей упал и совершенно здоровый Мика! Ошарашенный произошедшим на его незрелых глазах и моментальной потерей каких-либо физических сил.

Через полминуты Мика поднялся на дрожащие от слабости ноги, а Толю через три дня похоронили на Волковом кладбище.

Однако всему этому предшествовал ряд событий, которые самым удивительным образом выстроились впоследствии в единую, прочную цепь, несмотря на поразительную несхожесть звеньев!

Все началось за полтора месяца до смерти Толи Ломакина.

Из Москвы к Поляковым приехал их старый приятель – ироничный и непохожий на всех остальных друзей комсомольско-лирический поэт, близкий друг Микиного отца и постоянный мамин партнер по преферансу.

Поэт в очередной раз не очень надолго разошелся со своей женой, знаменитой московской красавицей грузинкой, и прикатил к Поляковым в Ленинград отдохнуть от строгих семейных оков.

Повалил народ – мама расцвела и, слава богу, забыла про Мику!

Дверь в поляковский дом, как говорится, не закрывалась, карты иногда затягивались до рассвета, табачный дым из гостиной не выветривался, отец приезжал после ночной съемки домой и ложился спать в кабинете, а мама даже к утру после бессонной ночи была свежа, весела и остроумна. Маме безумно хотелось выглядеть этакой «хозяйкой интеллектуального салона»,

и ее бурные, но, к счастью, краткосрочные романчики привлекали к ней всеобщее внимание и, наверное, очень огорчали папу.

Мощным привлекающим фактором к дому Поляковых была и их домработница Миля, от одного взгляда на которую мужики, по выражению мамы, приходили «в состояние бесконтрольного и дикого кобеляжа».

Полное имя ее было Эмилия. Но называть ее так никому и в голову не приходило. Она была именно Миля – пухлое, розовое, как кто-то сказал про нее, «сливочное», прелестное эстонское существо с зазывным акцентом, мягкой неправильностью русской речи, двадцати пяти лет от роду.

Каким образом Миля оказалась в Ленинграде задолго до того, как Советский Союз протянул свою стальную руку дружбы Эстонии, Латвии и Литве, одному богу было известно...

У Поляковых Миля занималась кухней, уборкой, стиркой, магазинами, рынком и вообще всем, чем угодно. До виртуозного штопанья мужских носков.

Кстати, все заботы о Мике тоже целиком лежали на ней.

Миля в открытую путалась с молоденьким участковым уполномоченным милиционером Васькой. Днем она принимала и подкармливала его на поляковской кухне у себя за занавесочкой с веселыми барабанящими зайчиками, а поздними вечерами Васька уводил Милю на свою служебную территорию, в красный уголок вверенного ему домоуправления, где стоял его персональный письменный стол.

Днем за этим столом он разбирал жалобы жильцов друг на друга и мелкие доносы, позднее собирал всех дворовых пацанов, не исключая и Мику, и проводил с ними воспитательную работу...

А ночью на этом же столе, точно под портретом Семена Михайловича Буденного, пользовал Милю. Стол был жестким, и Миля каждый раз натирала о край стола свой пухленький копчик.

Может быть, отсутствие нормальных условий для полного торжества любви и подвигло «сливочную» и очень чистоплотную эстонскую Милю на разные разности и с московским комсомольским поэтом у себя на кухне за занавеской с зайчиками.

Как-то ночью Мика проснулся от дикой жажды и тихонько поплелся в кухню за холодной водой, стараясь не разбудить Милю. Но уже подходя к кухне по длинному коридору, Мика услышал покряхтывание Мили и чье-то прерывистое дыхание, сопровождавшееся ритмичным скрипом Милиной кушетки.

Дверь в кухню была слегка приоткрыта, и Мика осторожно просунул туда нос...

Сна как не бывало!

Впервые в своей двенадцатилетней жизни Мика ЖИВЬЕМ увидел то, что столь сладострастно искал в рисунках Сомова и Бердслея, то, о чем захлеб тайком читал у Арцыбашева и Луве де Кувре...

На кухне было темно, но уличный фонарь, болтавшийся на уровне второго этажа поляковской квартиры, скупно дарил свой свет и кухне. И этого было вполне достаточно, чтобы Мика на фоне слабо освещенного окна увидел силуэт голой Мили, стоявшей на коленях на краю своей лежанки, и тощую фигуру комсомольского лирика со спущенными пижамными штанами, примостившегося как раз за широким эстонским задом Мили. И они делали ЭТО!!!

Миля что-то лепетала по-эстонски, а поэт, не прекращая своих упражнений, сказал ей прерывающимся надтреснутым тенорком:

– Для полноты ощущений к тебе надо приходиться с переводчиком.

Тут Миля перестала кряхтеть и лепетать и неожиданно рассмеялась.

...Остаток ночи Мика истерически ублажал себя древним мальчишеским способом, а в жгучих, мучительных и бесстыдных фантазиях, от которых раскалывалась голова, ему чудился

силуэт Миля – по-кошачьи прогнутая спина, ее отключенный зад, а за ней... И в ней!.. Не тощий поэт со спущенными пижамными штанишками, а ОН – двенадцатилетний Мика Поляков со своими болезненно набухшими сосками, так явственно и неумолимо приближающими его ко взрослости, к подлинному «кавалерофоблазовскому» мужчинству!

К утру у Мики созрел страшный и коварный, невероятно опасный план овладения Милей...

В те времена – времена четко отлаженных массовых расстрелов своих собственных граждан и поразительных по изобретательности новейших методов ведения допросов – обычная квартирная стирка (даже в самых обеспеченных домах) стойко пребывала на уровне времен отмены крепостного права: огромный бак с горячей водой на плите, корыто на двух кухонных табуретках, гигантская плетеная корзина для уже выстиранного, прополощенного и отжатого белья, и в облаках пара – краснощекая Миля с багровыми от стирки руками, в широкой «ночной» юбке и кофте без рукавов с таким глубоким вырезом, за который не заглянуть ну просто не было никакой возможности!..

Потом за рубль вызывали дворника – нести неподъемную корзину на чердак. Или Миля вызванивала свою подружку – соседскую домработницу, а если белья было не так уж много, просила Мику помочь ей втащить корзину на шестой этаж, а потом развесить белье на чердаке...

Перед школой Мика завтракал на кухне. Стараясь не смотреть на хлопотавшую вокруг него Милю, грубовато спросил подрагивающим голосом:

– Ты когда стирать собираешься? А то мне уже не в чем на тренировки ходить – несет, как от козла! Все пропотевшее...

Мика занимался спортивной гимнастикой у самого Бориса Вениаминовича Эргерта – чемпиона Олимпийских игр какого-то там дореволюционного года, и БэВэ – высокий, поджарый, строгий и очень старый немец – сильно уважал Мику за храбрость.

– Поже мой! – воскликнула Миля со своим неистребимым эстонским произношением. – Педный зайчик! Завтра же все постираю. Кушай быстро, зайчик, – опоздаешь на уроки!..

На следующий день Мика не очень талантливо сыграл «заболевание» и в школу не пошел. Остался дома, боясь пропустить момент стирки.

За мамой заехала приятельница – жена известного кинорежиссера, недавно награжденного орденом Ленина и легковым автомобилем, которым управлял наемный шофер. Захватив с собой комсомольского лирика, они уехали на выставку одного турецкого художника, полгода тому назад попросившего в Советском Союзе политического убежища. У жены орденосного режиссера с этим художником был невероятный роман, за что ее уже пару раз куда-то вызывали...

Миля затеяла обещанную стирку, а к середине дня, когда вот-вот уже должна была вернуться мама, чтобы отдохнуть и переодеться перед просмотром в Доме кино, Мика будто ненароком заглянул на кухню и увидел, что пар уже рассеялся и осел капельками на запотевшем оконном стекле, плетеная корзина была почти полна Микиным выстиранным спортивным барахлишком, а усталая и разомлевшая Миля шумно пьет чай.

– Зайчик, сможешь корзину на чердак отнести? – устало спросила Миля.

И Мика понял, что ЧАС НАСТАЛ! Руки у него затряслись, дыхание перехватило, и он только утвердительно кивнул головой.

Из нескончаемых дворовых мальчишеских разговоров про ЭТО Мика Поляков от пацанов-старшеклас-сников знал: для того чтобы сломить сопротивление девчонки или даже взрослой женщины, необходимо неожиданно испугать ее до такой степени, что она буквально не сможет поднять рук для своей защиты! Хорошо чем-нибудь мягким и тяжелым ударить ее по затылку – тогда она сразу отключится и тут делай с ней что хочешь...

Один четырнадцатилетний балбес из ремесленного училища, занимавшийся в секции бокса при районном Дворце пионеров, утверждал, что очень хорош внезапный удар по печени! Тут она, дескать, сразу «с копыт», и тебе остается только задрать ей юбку и начать делать свое черное сладкое дело... Мика чувствовал, что за всеми этими бреднями стоит неумемное вранье онанирующих подростков, но... А вдруг это правда?! Что тогда? И не слушать всего этого у него не было сил...

Мика метнулся в детскую, достал из-под паркетной половицы из своего тайника финский нож, собственноручно изготовленный им на уроке труда из небольшого напильника, и сунул его в карман стареньких лыжных брюк.

Нет, нет!.. Он не собирался причинять Миле даже малейшей боли! Кто, как не Миля, всегда восторгалась его рисунками, особенно карикатурами на маминых и папиных знакомых? Кто, как не Миля, кормила его, защищала от всех и всего и даже ходила «болеть» за Мику на его «прикидочные» соревнования по гимнастике в спортзал районной детской спортивной школы? Кто, как не Миля, весело и заботливо ежедневно заполняла все домашнее Микино одиночество?!

Нет. Нож был взят с собою, наверное, для какой-то непонятной самому Мике уверенности в себе и утверждения своих «взрослых» намерений. Может быть, увидев финку, Миля поймет, что имеет дело с уже вполне сложившимся мужчиной, и...

Но на чердаке, когда Миля взялась развешивать Микино барахлишко на «поляковских» веревках в углу сухого и теплого чердака, пропитанного пыльными запахами, когда в благодарность за помощь Миля привычно поцеловала Мику в нос, Мика не выдержал нервного томительного напряжения, обхватил Милю и прижался к ней, отчаянно уперевшись в Милины ноги своей каменной пипкой, откровенно и ужасно вздыбливающей его старые лыжные брючишки.

Миля потрясенно замерла, потом оторвала голову Мики от своей груди, заглянула ему в глаза и тихо произнесла:

– Поже мой... Какой кошмар!..

Мике показалось, что Миля сейчас брезгливо отбросит его от себя и немедленно помчится рассказывать все родителям.

И тогда он вынул из кармана свой нож.

Миля увидела нож в руке Мики и дико перепугалась! Но испугалась она за Мику. Она прижала его голову к своей груди и тревожно зашептала ему в ухо:

– Прось! Прось немедленно эту гадость!.. Ты же можешь порезаться, зайчик! Прось, пожалуйста... Миля тебя очень, очень просит!

Мику трясло, и он, в состоянии близком к помешательству, выронил нож. А Миля еще сильнее прижала его к себе и грустно сказала:

– Педный... Педный мой зайчик... Ты так ЭТОГО хочешь, да?..

– Да... – задыхаясь, ответил Мика прямо в пышную Милину грудь.

– Тавно? – с интересом спросила Миля.

– Очень!..

– О поже мой... – сочувственно пролепетала Миля. – Сто же ты молчал, Микочка, зайчик мой дорогой?.. Толго хотеть ЭТОГО – очень вретно для молотово здоровья! О, курат... Не торопись, мой мальчик, подожди. Я закрою тверь чердака...

Несмотря на то что дикие и потрясающие томительные мальчишечьи фантазии Мики, так давно уже раздиравшие его юное существо, наконец-то получили очень даже осязаемое и реальное чердачное воплощение, само «действие» и переход фантазий в реальность вызвали в нем не восторг удовлетворения постыдных и тайных желаний, а столь же неожиданное разочарование и даже небольшую нервную истерику, которая очень напугала Милю и его самого.

И тем не менее теперь Мика приходил в среднюю художественную школу, гордо переполненный своей «взрослой» тайной.

Самая потрясающая девочка пятых и sixth классов Неля Зайцева, по которой сохли буквально все мальчишки всех вышеупомянутых классов, для Мики вдруг потеряла всяческую привлекательность. Он тут же перестал смотреть на нее с обожанием и увидел неотразимую Нелю совершенно иными глазами – то и дело отмечая в ней массу недостатков, которых никогда раньше не замечал: и тонкие ножки с костистыми коленками, и морщинистые перекрученные чулочки «в резинку», и теплые сиреневые трусы «начесом внутрь», неопрятно вылезавшие у Нели из-под короткой юбочки, и желтоватый налет на зубах, и грязноватые обкусанные ногти...

Чего Неля Зайцева – талантливый изобразитель сладковатых акварельных цветочных натюрмортов и победитель городской олимпиады детского творчества – не могла не почувствовать. Женское начало в ней явно преобладало над ее художественным вкусом.

– С Поляковым надо что-то делать. Совсем зазнался!.. С этими своими дурацкими карикатурками вообразил о себе черт-те что! – сказала Неля ученику шестого класса «Б» этой же средней художественной школы Толе Ломакину, тяготевшему в своем творчестве к историко-революционной и современно-военной тематике.

Но уже втрескавшийся в эту самую Нелю Толя Ломакин знал, что она очень даже неравнодушна к красивому и спортивному Мишке Полякову, дико ревновал ее к нему и поэтому сразу же мстительно согласился:

– Ты, Зайцева, только скажи! Я такое заделаю этому жиду!..

– Кому? – удивилась непонятливая Зайцева.

– Ну, Полякову – жиду этому.

– А что это – «жиду»?..

Толя был старше Нели ровно на один год и, естественно, знал гораздо больше, чем она – малолетка. Он восхитился возможности предьявить своей любимой все собственные познания в национальном вопросе, так часто обсуждавшиеся в его военно-патриотической семье.

– Ну ты даешь, Зайцева! Поляков же – еврей!.. Понимаешь? – И с искренним сожалением честно добавил: – Правда, только наполовину. Мать – русская, а отец – того...

...Отец Мики – Сергей Аркадьевич Поляков – был действительно «того».

Он закончил в Петербурге знаменитую «Петершule» на одни пятерки. С блистательным знанием немецкого, английского и французского он был отправлен родителями в Гейдельбергский университет в Германию. Оттуда уехал во Францию, в Мурмелон, где закончил редкостную по тем временам авиационную школу летчиков.

Конечно, все это стало возможным благодаря Микиному дедушке, которого Мика так никогда и не видел. Тот скончался до рождения Мики.

А дедушка, профессор Аркадий Израилевич Поляков, был ни больше ни меньше лейб-медиком двора его императорского величества. За достижение значительных успехов в обла-

сти российской гинекологической хирургии доктору медицины профессору Аркадию Израилевичу Полякову было пожаловано потомственное дворянство с записью в паспорте и распространением этого звания на все последующие поколения Поляковых.

Когда же началась Первая мировая война, Сергей Аркадьевич вернулся в Россию и сразу же был зачислен в 12-й летный истребительный отряд под командованием князя Владислава Николаевича Лерхе. Небольшого росточка, худенький князь Лерхе был знаменит и при дворе, и во всех авиационных кругах как ненасытный бабник, бретер, дуэлянт, фантастический выпивоха и великолепный, виртуозный и бесстрашный авиатор.

Однако в летный отряд Поляков Сергей Аркадьевич был зачислен не как положено было летчику – офицером, а всего лишь вольноопределяющимся. Несмотря на свое потомственное дворянство.

Еврею тогда за особые заслуги могло быть пожаловано дворянство, а вот офицерское звание – никогда и ни под каким видом!

Даже тогда, когда вольноопределяющийся военный летчик С. А. Поляков в 1916 году был уже кавалером трех Георгиевских крестов, четвертый – золотой, офицерский – он получить не мог. Хотя князь Лерхе уже несколько раз представлял его к этой высокой награде, а потом, грязно матерясь на трех языках, говорил Сергею Аркадьевичу:

– Серж, простите меня, я не в силах сломать весь этот устоявшийся российский идиотизм. Пойдемте напьемся! А потом – к блядям. Или сначала к блядям, а напьемся уже там? Как повашему, Серж?

Тогда Сергею Аркадьевичу было двадцать четыре года, а князю Лерхе – двадцать семь.

К началу революции семнадцатого года Сергей Аркадьевич Поляков обладал замечательной кожаной книжечкой, внутри которой на одной стороне была его собственная фотография в форме военного летчика, а на другой стороне типографией петербургского монетного двора на пяти языках было красиво напечатано следующее:

«Податель сего удостоверения Сергей Аркадьевич Поляков является Шеф-Пилотом Двора Его Императорского Величества Государя Российского. Властям Гражданским и Военным предписывается оказывать всемерное содействие при предъявлении настоящего удостоверения».

И подпись – «Великий Князь Александр Михайлович».

Это было так называемое «Брево» – Международное свидетельство авиатора, защищающее его обладателя по всему свету. Повсюду.

Как вскоре выяснилось, кроме России.

... А в двадцатых годах Сергей Аркадьевич похоронил своих родителей и ушел ну совсем в иную область – в кинематограф!

Сначала помощником режиссера, потом ассистентом, а позже стал снимать и самостоятельно.

В отличие от фанфарного шествия Сергея Аркадьевича в военной авиации царского времени на ниве советского кино его успехи были намного скромнее. Будучи человеком тонким, умным и глубоко интеллигентным, он это и сам понимал и в конце концов нашел в себе силы покинуть так называемый художественный кинематограф и полностью перейти в документальный.

Верный своему слову, данному любимой Неле Зайцевой, шестиклассник Толя Ломакин решил задачу «задельвания жида Мишки Полякова» достаточно примитивно – на большой переменке он просто подставил ногу мчавшемуся за кем-то Мике Полякову, и несчастный Мика влетел головой в тяжелую резную дубовую дверь учительской.

«Скорая помощь», больница Эрисмана, двенадцать швов на теменной области головы, обильная кровопотеря и тяжелое сотрясение мозга...

А в больнице – бред, галлюцинации, кошмары, мучительные перевязки, одуряющие головные боли и почти постоянное присутствие отца – Сергея Аркадьевича и домработницы Мили.

Дважды приходили «выборные» от пятого «А». Достаточно часто, но коротко бывала мама. После нее в палате всегда оставался запах свежих фруктов и французских духов «Коти».

Кроме сотрясения мозга, врачи подозревали и небольшое внутрочерепное кровоизлияние и пророчили Мике и его родителям, что головные боли у ребенка будут продолжаться не менее года-полтора. Пока что-то там «не закапсулируется и не рассосется». Если же этого не произойдет, тогда возможна нейрохирургическая операция. Но не раньше чем через год.

Однако в последнюю больничную ночь, когда головная боль стала совсем нестерпимой и Мика, рыдая в подушку, вот-вот готов был истошно завывать на всю палату, тело его неожиданно сжалось в стальной комок, в голове его что-то треснуло, будто над ним сломали кусок фанеры, все его существо пронзил дикий жар, и на мгновение Мика потерял ориентировку в пространстве. И...

...Потрясенный, Мика вдруг понял, что боли никакой нет! Силы покинули его, но мучительная боль, раскалывавшая его голову почти три недели, тоже покинула все еще перевязанную, коротко остриженную голову Мики Полякова!!!

Одновременно со всем произошедшим Мика неясно почувствовал, что в нем самом, внутри его – то ли в сознании, то ли в организме – что-то явно переменялось. Что – понять не мог. Как к этому относиться – не знал. Просто весь окружающий мир стал для Мики чуточку иным...

– Папа, – тихо сказал Мика, когда его привезли из больницы домой. – Пожалуйста, посмотри на меня внимательно. Я очень сильно изменился?

– Нет, мой родной, – негромко ответил Сергей Аркадьевич. – Отрастут волосики, ты окрепнешь, снова начнешь ходить к Борису Вениаминовичу на гимнастику, летом я тебя заберу в экспедицию на Север – будешь там много рисовать... И все войдет в свою колею.

– Нет, – почему-то сказал тогда Мика. – Не все.

Когда после болезни Мика впервые появился в школьном спортивном зале, к нему тут же бросились его пятиклашки. Обступили, разглядывали шрам на голове, сквозь слегка отросшие волосы считали точки, оставшиеся от снятых швов...

Но тут на правах старшего всех пятиклашек разметал шестиклассник Толя Ломакин и, криво ухмыльнувшись, четко и внятно спросил:

– Ну что, жиденок? Оклемался?

Вот тогда-то с Микой и произошло что-то очень похожее на то, что он почувствовал в ту последнюю больничную ночь, когда вдруг, словно по мановению волшебной палочки, неожиданно прекратились страшные головные боли, обещанные ему врачами еще минимум на год-полтора.

Откуда ни возьмись снова возникли дикая головная боль, озноб, жар, сумасшедшее окаменение всех мышц, то есть повторилось все, что Мика испытал той последней больничной ночью!

Правда, это жутковатое состояние оказалось подкреплено страшноватенькой мыслью, промелькнувшей в сознании Мики при взгляде на Толю Ломакина:

ЧТОБ ТЫ СДОХ, ГАД!!!

Этого оказалось вполне достаточно, чтобы ТОЛЯ УПАЛ МЕРТВЫМ, а у Мики немедленно прекратилась головная боль...

Так Мика Поляков в двенадцать лет совершил свое ПЕРВОЕ, совершенно бессознательное УБИЙСТВО.

Во второй раз, уже абсолютно осознанно, Мика УБИЛ ЧЕЛОВЕКА спустя почти два года.

За это время на Мику, на маму, на папу, на Милю и вообще на весь мир обрушилось столько событий, что пересказывать их Мика смог бы до конца своей жизни, если бы ему удалось докарабкаться до старости...

Но тогда он не знал, что такое старость, и уйму важных мелочей так и не удержал в памяти.

Помнил только, что летом сорок первого, уже тринадцатилетним, тоскливо слонялся по прокаленному городу и, словно манны небесной, ожидал второй смены в городском спортивном лагере, расположенном в Терийоках. Его тренер старик Эргерт приложил немало усилий, чтобы Мику взяли туда хоть на одну смену. Городской комитет физкультуры и спорта запрещал направлять в спортивный лагерь тех, кому не было четырнадцати лет. Мике помогло лишь то, что незадолго до окончания шестого класса, в апреле, Михаил Поляков выиграл первенство Ленинграда по гимнастике среди мальчиков.

Однако мама в своем неукротимом тщеславии чуть было напрочь не стерла все усилия заслуженного мастера спорта СССР, чемпиона дореволюционных Олимпийских игр Бориса Вениаминовича Эргерта в борьбе за право своего ученика Миши Полякова продолжить тренировочный сезон в этом привилегированном спортивном лагере.

Маме же всегда дико хотелось, чтобы ее сын потрясал ее знакомых и поклонников разнообразием талантов. Кого только не ставила мама в пример Мике – и некоего вундеркинда Марика Тайманова, сыгравшего в фильме «Концерт Бетховена», и какого-то гениального мальчика-скрипача Бусю Гольдштейна, и даже узбекскую девочку Мамлакат, получившую орден Ленина из рук самого товарища Сталина!

Причем мамины требования к Мике всегда зависели от того, кем в это время мама была увлечена: в бытность московского дирижера Мика был отправлен учиться музыке к Рувиму Соломоновичу. Когда у мамы наклеивались несколько нестандартные отношения с одним известным ленинградским беллетристом, мама умоляла Мику сочинить хоть какой-нибудь рассказик, чтобы она могла показать его настоящему писателю...

Именно через этого писателя маме удалось достать для Мики путевку в детский дом отдыха «Литфонда», и она потребовала от Мики немедленно сесть за стихи.

– Все дети пишут стихи! – кричала мама. – Неужели в тебе нет ни капельки здорового, нормального честолюбия? Почему ты слоняешься из угла в угол? Садись и сочиняй!.. В «Литфонд» ты должен уехать со стихами!.. Там все дети занимаются творчеством!.. Только ты – черт знает чем!

То, что Мика, как утверждали преподаватели художественной школы, был необычайно одарен в рисунке, карикатуре и шарже и совсем слегка отставал в акварели, для мамы не имело никакого значения. Это для нее было привычным и само собой разумеющимся. То, что Мика стал в тринадцать лет чемпионом Ленинграда по гимнастике в разряде мальчиков, маме было попросту чуждо, и, кажется, она даже стеснялась этого.

– А я что, не занимаюсь «творчеством»?! – Мика еле подавил слезы обиды.

Но тут мама оскорбительно расхохоталась:

– Стоять вверх ногами и переворачиваться через голову – это, конечно, апогей интеллектуализма!

Никто не умел так насмешливо обидеть Мику, как его родная и красивая мама! Никто не бывал к нему так несправедлив...

Лишь спустя много-много лет, будто приподнявшись над собственным детством, над всеми своими жгучими детскими обидами, Мика понял, как поразительно талантлива была его мать. Каким богом данным даром общения она обладала, без труда окружая себя совершенно различными людьми и умудряясь всегда оставаться центром их внимания. Ее романы никогда и никем не осуждались – их воспринимали как одну из неотъемлемых граней маминого существования. Ее мгновенная реакция на любую чужую фразу, ее врожденное остроумие и легкость восприятия окружающего мира притягивали к ней, заставляли людей искать с ней общения, повторять ее остроты, ее молниеносные, порою удивительно неожиданные и ироничные оценки людей и событий.

И этот божий дар восполнял маме все ее незнание, весь недостаток настоящей культуры, с лихвой компенсировал отсутствие подлинного аристократического лоска и образования, которые она так хотела видеть в своем сыне...

– Немедленно садись за стихи, черт бы тебя побрал, Мика! – тоном, не терпящим возражений, сказала мама. – Вернись – чтобы «нетленка» лежала на столе. Понял?

– Понял... – уныло пробормотал Мика.

Мама удивилась Микиной сговорчивости и уехала из дому, свято убежденная в правоте своих требований.

Но тогда Мике просто было тошно в очередной раз ссориться с мамой. Отсюда и то, что мама приняла за сговорчивость.

Стихов Мика никогда не писал, знал только то, что задавали в школе по русскому языку и литературе, а единственное стихотворение, врезавшееся ему в память еще со второго класса из «Книги для чтения», было чудовищным по своей неграмотности и нелепости:

Ой-ой-ой, ой-ой-ой.

Какой вырос дом большой!

С ударением на «а» в слове «Какой»...

И Мика отправился в папин кабинет. Там с нижних полок книжных стеллажей он вытащил кипы старых журналов – «Аполлон», «Новый Сатирикон», «Нива», «Красная новь», «Аргус» и стал перелистывать их, чтобы выбрать оттуда какие-нибудь стишата, которые, естественно, никто не знает и не помнит, и выдать их за свои. Конечно, переписав их на отдельный листок бумаги с графическим изображением «мук творчества» и «требовательности к самому себе». В Полном собрании сочинений Пушкина он как-то видел факсимильные отпечатки рукописей поэта. Рисунки Пушкина на полях рукописей ему показались слабыми, а вот то, как Пушкин в уже готовой строке по многу раз менял одно слово на другое, что-то зачеркивал, что-то восстанавливал, Мике очень даже запомнилось.

А еще Мика понимал, что тематика стиха должна быть не очень «взрослой». Чтобы ни у кого не возникло сомнений, что это сочинил тринадцатилетний пацан.

Через час поиска он наконец обнаружил то, что ему показалось «в самую жилу». В журнале «Аргус», выпущенном в 1912 году, Мика раскопал четверостишие, которое отвечало всем его требованиям: тема почти детская – из жизни домашних животных, а краткость... Ну что ж краткость? Краткость – сестра таланта, как он запомнил из взрослых разговоров.

Вот Мика и перекатал из «Аргуса» двенадцатого года эти четыре строчки черт знает какой давности.

Несколько слов в каждой строке Мика зачеркнул, да так, чтобы их совсем нельзя было разобрать, а сверху понаписал те же самые слова, которые только что позачеркивал. Получилось очень даже миленько – искал, дескать, наиболее точные слова, наиболее совершенную форму стиха!..

Подумал немного, поглядел на листок со стишком, склонив голову набок, вспомнил черновики Пушкина, да и пририсовал несколько забавных набросочков к тексту – двух целующихся котов, крышу дома, чердачное окно, луну в ночном небе...

Мама вернулась домой, влетела в Микину детскую и с порога вопросительно-испытующе посмотрела на Мику, не произнося ни слова.

Мика, так же молча, скромно потупив глаза, отдал маме листок с четверостишием, несшим на себе все знаки титанически-кропотливой работы над словом и ритмом стиха. Что характеризовало автора Мику как личность чрезвычайно взыскательную и подлинно творческую. Мама недоверчиво взяла в руки листок, ошалело увидела все то, чего Мика и добивался.

– Прости меня, ма, – скромно сказал Мика. – Я не успел переписать начисто. Это только черновик. Здесь еще масса работы...

Мама посмотрела на Мику увлажненными глазами, протянула листок Мике и почти робко попросила:

– Прочти сам, сынуля...

Мика много раз слышал, как настоящие поэты читали свои стихи его маме в гостиной. И Мика решил не ударить в грязь лицом. Он взял листок в одну руку, вторую слегка отвел в сторону и, очень профессионально подвывая, прочитал:

РЯДОМ С СИЛУЭТОМ ЧЕРНОЙ КОШКИ –
СИЛУЭТ ЧЕРДАЧНОГО КОТА...
ЧЕРДАКОВ КВАДРАТНЫЕ ОКОШКИ –
ИХ СВИДАНИЙ ТАЙНЫЕ МЕСТА.

Несколько секунд мама молча смотрела на Мику расширившимися от трепетного восторга глазами, а потом бросилась обнимать его, целовать, тискать, приговаривая срывающимся от счастья голосом:

– Господи... Что же ты молчал?! Почему же ты не делал этого раньше?.. Солнышко мое! Как я рада... Боже, как ты все-таки талантлив!.. Какое счастье, что я сумела заставить тебя начать писать стихи!!!

В это время у входной двери раздался звонок.

– Миля!.. – закричала мама, не отпуская Мику из своих восторженных объятий. – Ну откройте же, Миля! Звонят!..

Было слышно, как Миля прокричала:

– Течас!.. – Открыла дверь и сказала: – Топрый вечер, Сергей Аркадьевич.

– Папе... Надо обязательно показать это папе! – воскликнула мама, вырвала из рук Мики листок с четверостишием и помчалась встречать папу, потащив с собой Мику, который тут же впал в небольшую панику.

Мика твердо знал, что если маму можно было «напарить», выдавая чужие стихи за свои, то с интеллигентным папой этот номер может не пройти. Оставалось только надеяться на древний возраст журнала.

– Сереженька!.. – Импульсивная мама бежала по коридору, волоча за собой Мику. – Ты посмотри – какие стихи!.. Это же просто уму непостижимо! Посмотри, какая прелесть!..

Папа еще не успел отойти от входной двери. Он поцеловал маму, ласково шлепнул Мику по загривку и только потом взял в руки листок с четверостишием.

РЯДОМ С СИЛУЭТОМ ЧЕРНОЙ КОШКИ –
СИЛУЭТ ЧЕРДАЧНОГО КОТА...
ЧЕРДАКОВ КВАДРАТНЫЕ ОКОШКИ –
ИХ СВИДАНИЙ ТАЙНЫЕ МЕСТА.

– Ну?! – Мама сияющими глазами смотрела на папу. Папа очень по-доброму улыбнулся маме и Мике и сказал:

– Стихи очаровательные. Мало того, когда-то, много лет тому назад, я даже был знаком с их автором. По-моему, впервые они появились году в четырнадцатом...

Тут Мика понял, что сгорел окончательно, и решил резко изменить курс – авось выведет...

– В двенадцатом, – поправил он папу.

– Где ты их разыскал? – еще ничего не понимая, спросил папа.

– В «Аргусе», – ответил Мика, стараясь не смотреть на маму. Растерянная, еще не верящая в произошедшее, мама была оскорблена в своих лучших чувствах, гордость ее была растоптана, она была безжалостно унижена собственным сыном! И собственным мужем.

Мике стало вдруг нестерпимо ее жаль, он готов был броситься перед ней на колени, целовать ей руки, умолять о прощении, обещать, что подобное больше никогда не повторится...

Но ничего этого сделать он не успел. Он получил от мамы такую затрещину по физиономии, что пропахал на заднице чуть ли не полкоридора.

Ни в детский дом отдыха «Литфонда», ни в Терийоки – в спортлагерь Городского комитета физкультуры Мика Поляков так и не попал. И история с чужими стихами была тут совершенно ни при чем...

Спустя всего две недели после той затрещины на невиданных доселе запасных путях Московского вокзала, стоя у одного из пассажирских вагонов эшелона, уходящего в неведомые края под названием ЭВАКУАЦИЯ, мама, некрасивая мама, с опухшими от слез глазами, бледная и измученная, может быть, впервые не думающая о том, как она сейчас выглядит, прижимала Мику к груди, истерически зацеловывала и все что-то шептала и шептала...

А рядом с трясущимся подбородком стоял папа и пытался ободряюще подмигивать Мике. Но получалось у него это нелепо и жалко. Проглядывала фальшь в этом неумелом подмигивании. И Мике было даже немножечко стыдно за своего отца – пусть не очень известного кинорежиссера, даже не орденоносца, но бывшего военного летчика, кавалера Георгиевских крестов, ближайшего друга какого-то легендарного князя Лерхе, черт-те когда канувшего в вечность...

Жалко было и маму. За то, что по ее лицу растекались черные ручейки туши, а подбородок был испачкан размазавшейся губной помадой...

За то, что ему, Мике, вот в эти минуты довелось увидеть ее не блистательно остроумной, резкой, самоуверенной и ироничной, а беспомощной, безвольной и неожиданно очень обычной «бабской» женщиной...

Не знал Мика, что всего за три дня до начала войны, девятнадцатого июня, врачами той же больницы Эрисмана, где в прошлом году лежал Мика, маме был поставлен страшный диагноз неизлечимой тогда болезни. А к концу июля ей уже была назначена, наверное, бесполезная операция, и поэтому мама не могла уехать из Ленинграда вместе с Микой.

Скорее всего, мама предчувствовала свой уход из этого мира, понимала, что в тридцать восемь лет для нее обрывается все: она теряет сына, мужа, которого, несмотря на все и всех, боготворила и ревновала к любому фонарному столбу, что для нее вот-вот исчезнет то, что постоянно окружало ее во времена не всегда праведной, но всегда яркой и прекрасной жизни...

И еще одно. Стыдно было признаваться в этом даже самому себе, но Мика уже мечтал о том, чтобы эшелон тронулся как можно быстрее, чтобы мама и папа остались бы там, на запасных путях Московского вокзала, а он, Мика Поляков, наконец начал бы совершенно новую и самостоятельную жизнь.

Он знал – война скоро кончится, он вернется домой и снова попадет в зависимость к взрослым людям: педагогам, тренерам и вагновожатым, к участковому милиционеру Васе и управдому, к любому уличному прохожему, которому вдруг покажется, что Мика ведет себя не так, как хочется этому прохожему. Снова и целиком будет зависеть от мамы и папы...

Сейчас ему представился случай хоть ненадолго освободиться от такой зависимости. Несмотря на весь трагизм ситуации, Мика воспринимал ЭВАКУАЦИЮ примерно так же, как несколько видоизмененную поездку в спортивный лагерь. Единственное, что его настораживало и заставляло сомневаться в чистоте своих вольнолюбивых помыслов, это обилие мужчин с трясущимися руками и подбородками и огромное количество женщин, рыдавших над своими уезжающими детьми.

...А потом были три месяца жизни в лесу под Гавриловым Ямом, что неподалеку от Ярославля. Барак для малышей с бабушками и мамами, второй барак для расхристанной вольницы от восьми до двенадцати лет, промышлявшей грабежами соседних деревень, огородов и садов, а в торцовых закутках этого барака – воспитатели из отдела народного образования Куйбышевского района города Ленинграда. Со своими детьми, со своими бедами, да еще с сотней подопечных, сорвавшихся с родительской домашней цепи, которых, будто моровая язва, захлестнула эпидемия воровства и мелкого разврата.

Ну и третий барак – Микин. От тринадцати до шестнадцати.

И мальчики, и девочки старшего возраста жили в одном бараке, разделенном тонкой стенкой из неструганых досок, с узким проходом из одной половины в другую, охраняемым лукавым мздоимцем дневальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.